

ВСПОМНИМ ТЕХ, КТО БЫЛ С НАМИ

меня ждет только радость

МИКАЭЛ ТАРИВЕРДИЕВ

Впереди, мне казалось,

В журнал "Киносценарии" пришел сигнальный третий номер. Через две недели журнал, любимыи кинематографистами и просто увлекательный для всех, выидет в свет. По роковому стечению этот номер не увидит Микаэл Таривердиев. Он отдал в журнал повесть, где по роковому же стечению возвращается к началу, вспоминает о том, как был молод и счастлив. Повесть выходит уже без него. "Нам было по двадцать и мы были студентами, мы считали себя Рас-тиньяками, приехавшими завоевывать музыкальную Москву. Пусть мы нищие, но у нас все впереди. Впереди, нам казалось, нас ждет только радость..." Название повести сегодня звучит непоправимо грустно — "Впереди, мне казалось, меня ждет только радость".

Я больше знаю Жору Буркова по театру. Мы тогда вместе работали в Театре Станиславского, где Анатолий Васильев поставил первый вариант "Воссы Железновой". Спектакль приказали списать, а декорации сжечь. Тогда нас спас Юрий Любимов. Он взял спектакль к себе на "Таганку" вместе с моими декорациями и всеми актерами. Ушел из театра и Жора Бурков. Он играл дядю Прохора. Спектакль сдавали Управлению культуры, толстым, здоровым "тузам", никого не пускали, только "горьковедов", которые напели дифирамбы, и Управлению ничего не оставалось, как его ярчить. Потом Жора рассказывал, что Любимов в сцене объяснял дядю с невесткой надругавшись, выкинуть одну "штучку", что Жора очень любил делать. По сцене он рассказывает невестке о сыне, мол, жмет в Москве, актриса любит. Выливает, правда. И тут Бурков делает жест рукой к "тузу", сидящему в полтора метрах от него в зале вено с большого бодуна, и говорит подчеркнуто весело: "Ну а кто ж не выпивает?" Чин опешил, вжась в кресло и двинулся в темноту.

Он должен был играть дуэта в "Короле Лире" во МХАТе. Васильев ставил, я стоял декорацию, Андрей Алексеевич Попов должен был играть Лира, но потом он умер, и все остановилось. Он никогда не играл героев, он был характерным актером, и Борис Морозов хотел, чтобы он сыграл в Пушкинском Сьерано де Бержерака. Я делал декорацию, но потом они разошлись в трамвае, и роль сыграл Сергей Шагуров. В Жоре всегда жил режиссер, это разводило его с профессиональными режиссерами. Он должен был релатировать в "Серсо" Коку, которого потом сыграл Алексей Патренко, но ушел — сначала во МХАТ к Ефремову, потом в Пушкинский. А жаль, он был для Васильева замечательный актер. Не то чтобы он был неуживчивый, просто он был человек самостоятельный.

Жил он тогда в общежитии Театра Станиславского у метро "Аэропорт", в комнатке с женой Татьяной Ухаровой, тоже актрисой. Как-то он пришел на день рождения к Олегу Николаевичу Ефремову, с которым работал еще в "Современнике". Получал он тогда мало и купил "гуся" — портвейн в бутылке по 0,8, который еще называли "огнетушителем" или "фугасом". Ефремов закричал: "Убери, выброси в мусоропровод!" Жора залезнул в комнату, а там генералы и стол уставлен коньяком в ряды. Жора смотрит — стоит валенок — и поставил в него "фугас". Утром, когда ничего не осталось, настал час Буркова. Он вышел в переднюю, достал из валенка бутылку и вынес ее под шкаал аплодисментов.

Популярность его совершенно не изменила. Просто жить стало легче. Кажется, Бондарчук помог ему с квартирой, и он переехал на Фрунзенскую набережную, где у него появился даже свой кабинет. Когда мы ездили на гастроли, популярность его была невероятной. Помню, мы приехали в Уфу, поселились в гостинице и вечером пошли на "разведку". Тогда уже была в разгаре антиалкогольная кампания, было такое время, когда водка продавалась с одинадцати и этот час назывался "Час волка" — как раз в одинадцать в Театре Образцова "вылезал" волк. Был даже анекдот о рубле, на котором, если помните, а кто-то уже и не помнит, был изображен Ленин с вытянутой правой рукой: "Куда показывает

Ленин? Ленин показывает на одинадцать". Так вот, Жора подошел к милиционеру: "Где у вас можно выпить?" И тот обалдел: "Вам?" Тут же посадил его в милицейскую коляску, сзади сел второй милиционер, до места метров пятьдесят проехать, но они взмолились: "Мы хотим вас подвести". В кафе гуляла свадьба, и перед Жорой тут же распахнулись двери, а потом вся свадьба бежала к нему, кто с рублем, кто с "пятировкой". Чтобы он оставил на них автограф, а невеста попросила его расписаться на фате. В Уфе его как знаменитость поселили с женой в "люкс", и в номере всегда были люди, он тогда сыграл следователя в телевизионном фильме, и к нему в гости приходили прокурор республики, главный следователь.

Он никогда не был особенно веселым человеком. Он был с юмором и иронией по отношению к себе. Никогда не заискивал, не говорил про болезнь. Жора отличался от актеров тем, что был начитанным человеком. Несмотря на то что он все время играл какието ханы, жулики и пьяницы, он был философ: "Да-

гантскую декорацию — все крутилось и вертелось, в массовка участвовали все студенты студии МХАТ с I по IV курсу. Жора играл представителя рабочей оппозиции — приходил к Ленину и говорил, что тот не прав. Он действительно мог сказать что угодно, и всегда к месту. Ныне известный кинорежиссер Всеволод Шиловский в филиале МХАТ на улице Москвитна к 40-летию, кажется, битвы под Москвой ставил пьесу про панфиловцев "Волоколамское шоссе". Бурков играл самого Панфилова. С усами, в полууборке — он был жутко похож. Нагородили там деревянные бутробы, землянки. И вот на сдаче спектакля, куда пришел весь генералитет, Панфилов сидит со своим начальником штаба, а его играл Юрий Пузырев, и перед каким-то решительным боем они разливают по кружкам водку. Пришел "голец", принес натуральную водку. "Ну, начальник штаба, — говорит Бурков-Панфилов, — давай". А тот в кружку подает не может. Жора подымает адьютанта: "Помоги начальнику штаба, видишь, он волнуется перед боем". Шиловский кричит из зала: "Что у вас за текст?" Адьютант

НАШ ЧЕЛОВЕК

Шесть лет назад в июле не стало ГЕОРГИЯ БУРКОВА

Эльдар Рязанов говорил, что у него идеальное лицо для роли спившегося русского интеллигента, и шутил над прицепившимся к нему "алкоголическим амплуа, из которого он не сразу выбрался". Это — лицо, которое мы любили. Оно пришло в театр и на экран из жизни и абсолютно органично существовало во всех этих трех реальностях. Нет в живых уже многих близких ему людей. Умер Шукшин. Юрий Гребенчиков, игравший в театральном шлагере 80-х "Взрослой дочери молодого человека". Ушли Бондарчук, Асанова. Люди, которые работали с ним, а кто и выпивал, дружил, был рядом.

Мы попросили рассказать о Георгии Ивановиче Буркове человека, который хорошо знал его в жизни, — ИГОРЯ ПОПОВА, художника всех спектаклей Анатолия Васильева, и в частности некогда театрального открытия под названием "Серсо".

ма держал замечательную библиотеку. Поскольку среди нас собеседников было немного, он предпочитал рассказывать историю. Он умел трогать. За сценой рассказывал анекдоты — актерам выходить, а он сидит и всех смешит.

Его очень любил Андрей Алексеевич Попов. В день, когда его вынудили уйти из художественных руководителей Театра Станиславского, он пришел ко мне в мастерскую на Арбате, дело было зимой, а зима тогда стояла лютая — с трамваев краска отлетала. Мы выпили, потом поехали в его шикарную буржуазную квартиру, и он сказал: "Я хочу видеть Жору". Он попросил позвать именно его. Много другого.

Помню, Ефремов к 100-летию Ленина делал спектакль "Так победим". Калаягин играл Ленина, я построил ги-

разлил, они выпили. Шиловский на сцену вбегает: "Да что это вы тут делаете?! Уиди, — говорит Жора. — А не то сдам Москву".

Умер он от отрыва тромба. Дома полез в библиотеку за книжкой, упал, сломал ногу, ему сделали операцию, а потому у него оторвался тромб. До сих пор жива его мама Мария Сергеевна, а жена Татьяна и дочь Маша — актрисы Театра Станиславского. Похоронен он на Ваганьковском кладбище. Я делал скульптуру надгробия. Спросил: "Крещеный?" — "Да, крещеный".

Одни и те же рабочие изготавливали надгробия Буркову и Шукшину. Они очень дружили. Оба были самородки, а у Жоры даже не было высшего театрального образования. Теперь их нет. Теперь таких вообще почти нет.